

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

ЛЮ ХУ

**СЕРБСКИЕ НАИМЕНОВАНИЯ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ
НА ФОНЕ КИТАЙСКОЙ ТРАДИЦИИ (ПРОВИНЦИЯ ШАНЬДУН):
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 5.9.6 –
Языки народов зарубежных стран (славянские языки)

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва 2023

Работа выполнена на кафедре славянской филологии филологического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный руководитель: Плотникова Анна Аркадьевна

доктор филологических наук, главный научный сотрудник
Отдела этнолингвистики и фольклора,
ФГБУН Институт славяноведения РАН

Официальные оппоненты: Мороз Андрей Борисович

доктор филологических наук, доцент,
профессор школы филологических наук факультета
гуманитарных наук ФГАОУ ВО
НИУ «Высшая школа экономики»

Котова Марина Юрьевна

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры славянской филологии
филологического факультета ФГБОУ ВО
«Санкт-Петербургский государственный университет»

Русинова Ирина Ивановна

доктор филологических наук, доцент,
доцент кафедры теоретического и прикладного языкознания
филологического факультета ФГАОУ ВО
«Пермский государственный национальный
исследовательский университет»

Защита диссертации состоится «31» мая 2023 г. в 15:00 часов на заседании диссертационного совета МГУ.059.1 (МГУ.10.01) Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ имени М.В. Ломоносова, д. 1, стр 1, 1-й учебный корпус гуманитарных факультетов, филологический факультет, E-mail: slavlang@philol.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова (Ломоносовский проспект, д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/059.1/2511>

Автореферат разослан «___» _____ 2023 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
Доктор филологических наук

О.В. Дедова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Предметом исследования являются наименования мифологических персонажей в народных традициях Сербии и Китая (на примере провинции Шаньдун), а также экстралингвистический контекст их бытования, т.е. внешний вид, атрибуты, функции, место обитания мифических существ, связанные с ними обряды в сербской традиции в сопоставлении с восточнокитайской народной культурой на основе языковых диалектных данных с привлечением фольклорного материала.

Сербская мифологическая система, являясь частью общеславянской мифологической системы, включает в себя немало персонажей, известных и другим славянам. Мифологемы сербской народной традиции отражают общие черты южнославянской духовной культуры. Вераования соседних балканских народов взаимосвязаны и переплетены между собой. Сербская мифология аккумулировала в себе традиции различных этнических групп. Поэтому при изучении терминологической лексики и способов номинации в сербской мифологии следует учитывать и материал соседних южнославянских этносов – хорватов, бошняков, черногорцев. Вместе с тем, сербская народная традиция сохраняет архаический характер, особенно в сфере народной мифологии, отличается уникальными явлениями, включая в себя специфические представления и локальные особенности разных культурных диалектов. В диссертации рассматриваются наименования сербских мифологических персонажей, система которых сохраняется или сохранялась до недавнего времени (XX-XXI вв.) во взаимодействии с другими южнославянскими традициями.

С древних времен провинция Шаньдун, расположенная на востоке Китая, была одним из его политических, экономических и культурных центров. Из-за своего географического положения и особенностей ландшафта местное наречие сочетает в себе черты северных, центральных и прибрежных говоров. Здесь появилась ранняя китайская письменность, родились Конфуций и Менций, сформировались самые первые города-государства Цзи и Лу. Сложившиеся исторические условия способствовали обогащению традиционной духовной культуры, в частности мифологической системы. Народная мифология колыбели китайской культуры, – как часто называют провинцию Шаньдун, – впервые стала **объектом** этнолингвистического изучения и послужила фоном для основного исследования в сфере архаической сербской традиции.

Актуальность настоящего исследования определяется двумя факторами.

Во-первых, народная мифология (демонология) является архаическим пластом народной культуры, отражающим специфику традиционных сельских обычаев, ритуалов, верований. Народные представления сталкиваются с глобализацией и распространением интернета. Демонология разных этнических традиций находится под угрозой исчезновения: многие локальные мифологические предания, былички и песни известны только пожилым людям, молодое поколение уже не распознает некоторые образы демонов, не понимает их символического смысла, а традиционные обряды или праздники смешиваются с городской культурой. Все эти явления так или иначе находят отражение в языке, прежде всего – в терминологической лексике народной духовной культуры.

Во-вторых, в Сербии и восточном Китае (провинции Шаньдун) сформировались свои собственные, богатые, самобытные, архаичные системы мифологии. В обеих генетически не связанных традициях выявляются как универсальные, так и специфические культурные явления, при этом обнаруживаются нетривиальные схождения, что свидетельствует об общности развития культуры человечества.

Научная новизна. Наша работа является первой попыткой анализа наименований в сербской мифологической системе на фоне китайской. Впервые исследуются сходные персонажи двух народных традиций и способы их обозначения в типологически разных языках – сербском и китайском.

Цель исследования – проанализировать принципы номинации мифологических персонажей в сербской и шаньдунской мифологических системах; продемонстрировать универсальные процессы в формировании моделей номинации мифологических персонажей в различных регионах мира, значительно отличающихся в историческом, этническом, культурном планах.

Конкретные задачи исследования формулируются следующим образом:

1. Выявить наименования сербских мифологических персонажей во взаимосвязи с функциями, которые им приписываются.
2. Определить особенности сербской мифологической лексики в этнолингвистическом аспекте.
3. Установить сходства и различия в принципах номинации мифологических персонажей в генетически разных традициях.
4. Проанализировать фольклорный дискурс на основе народных преданий, мифологических нарративов и быличек об основных мифологических персонажах сербской традиции на фоне локальной китайской (шаньдунской).
5. Показать особенности регионального распределения имен мифологических персонажей и локальных мифологических представлений в Сербии.
6. Определить происхождение и мотивацию наименований мифологических персонажей в сербской и китайской (шаньдунской) традициях.
7. Сравнить сербскую мифологию с китайской, обнаружить их общие типологические черты и историко-культурные различия.

В диссертации мы опирались на **методологию** исследований Московской этнолингвистической школы, основателем которой является акад. Н. И. Толстой. Согласно точке зрения Н. И. Толстого, «особая роль терминологии (сравнительно с ролью языка вообще) в изучении духовной культуры определяется тем, что она одновременно принадлежит и языку, и культуре и потому заслуживает систематического изучения с позиций комплексного этнолингвистического подхода»¹. В системе мифологии **классификационный подход** позволил сгруппировать мифологических персонажей и показать их общие и специфические черты. **Описательный анализ**, применяемый в исследовании, служит изучению происхождения имен мифологических персонажей, зафиксированных в легендах, преданиях, мифологических нарративах. **Семантическая**

¹ Толстой Н.И., Толстая С.М. Славянская этнолингвистика: вопросы теории. М.: Институт славяноведения РАН, 2013.

реконструкция, тесно связанная с **этимологическим анализом**, использовалась для выявления наиболее ранних значений терминов.

Типологический анализ, применяемый в главе III, позволяет увидеть сходства и различия наименований и мифологических представлений в сербской и китайской традициях. **Метод полевых исследований** позволил на практике применить знания, полученные в ходе подготовки диссертации, и апробировать этнолингвистическую программу на китайской языковой территории (осуществлялись этнолингвистические обследования в горном районе Имэншань провинции Шаньдун в деревнях Мачжаньцунь, Хуанцзяняньцзыцунь, Сяовэншаньцунь в 2020-2023 гг. среди многочисленных родственников, соседей и знакомых автора)². Составление карт (**лингвогеографический метод**) позволило наглядно продемонстрировать географическое распределение диалектных вариантов названий мифологических персонажей в локальных сербской и восточнокитайской традициях.

Теоретическая значимость работы заключается в определении новых объектов и новых аспектов сопоставительного анализа наименований мифологических персонажей, выявлении морфологических и семантических характеристик демонимов, а также в применении методов картографирования при представлении локальных наименований персонажей народной мифологии на территории Сербии и Китая (провинции Шаньдун).

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные компаративного анализа народной демонологии Сербии и Китая могут быть применены при чтении спецкурсов по народной культуре в вузах Сербии и Китая, составлении энциклопедических и этнолингвистических словарей, в практике перевода.

Источники. Исследование опирается на труды сербских ученых (В. Караџић, С. Зечевић, Т. Ђорђевић, Љ. Раденковић и др.), лингвистические и мифологические словари; на работы ученых московской этнолингвистической школы (Н. И. и С. М. Толстые, А. А. Плотникова, Л. Н. Виноградова, А. В. Гура, Е. Е. Левкиевская и др.), на фундаментальный этнолингвистический словарь «Славянские древности» в пяти томах. В рамках этнолингвистики посредством номинации раскрываются образы мифологических персонажей и их функции. Большую роль в реконструкции народной духовной культуры играют этнографические данные. Элементы мифологии ярко отражены в фольклорных материалах – народных песнях, преданиях, легендах, быличках, пословицах и поговорках. Поэтому подобный эмпирический материал привлекается для исследования происхождения и мотивации наименования мифологических персонажей, для более точного определения того или иного персонажного типа, причем прежде всего – по набору его функциональных признаков. Названия часто указывают на место обитания, время появления, характерные действия, внешний облик мифологического персонажа.

Источниками материала для изучения китайской мифологии послужили толковые, этимологические и диалектные словари рассматриваемых диалектов провинции Шаньдун. На основании фольклорных материалов, собранных китайскими учеными, исследуются

² Помимо личных бесед в 2022–2023 гг., использовались такие технические средства общения с информантами, как Zoom, WeChat, скайп (2020–2022 гг).

языковые и этнокультурные элементы народной мифологии из разных регионов этой провинции.

Положения, выносимые на защиту:

1. Демонологические системы Сербии и провинции Шаньдун в Китае, являются частями южнославянской и общекитайской мифологических систем соответственно, что отражается на гомогенности наименований, терминологии, функции мифологических персонажей, а также сюжетов, связанных с ними, в славянской и китайской мифологических системах.

2. Терминологическая лексика народной мифологии в Сербии и в Китае (провинция Шаньдун) отражает локальные диалектные различия.

3. Экстралингвистический контекст бытования терминологической лексики характеризуется локальными народными представлениями и обычаями, которые соответствуют менталитету анализируемых этносов.

4. Разные религиозные системы, присущие рассматриваемым традициям, оставили свой уникальный след в культуре рассматриваемых этносов; способствовали развитию конкретных мифологических представлений.

5. Этнолингвистический метод при сопоставлении мифологической лексики позволяет исследовать общие и различные черты двух терминосистем народной культуры, сербской и восточнокитайской.

6. Типологическое сходство сербской и китайской демонологических систем свидетельствует об общих путях развития традиционных духовных культур в архаических регионах.

Апробация работы. Основные положения диссертации излагались и обсуждались на научных семинарах и конференциях по славяноведению, этнолингвистике и фольклористике: «Славянский мир: общность и многообразие» (VI. 13–14 октября 2020 г., VII. 25–26 мая 2021 г., VIII. 24–25 мая 2022 г.), Институт славяноведения РАН, Москва; «Души и духи в китайской культуре» (17 сентября 2020 г.), Институт классического Востока и античности ВШЭ, Москва; 3). «Толстовские чтения» (XXV. Проблемы текста в ареальных исследованиях, 13–15 апреля 2021 г.; XXVI. Народная демонология славян в типологическом и ареальном аспекте, 25–27 апреля 2022 г.), Институт славяноведения РАН, Москва; 4) III Научно-практическая школа сербистики «Доминанты сербской культуры» (6–7 ноября 2021 г.), Филологический факультет Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, Москва.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и двух приложений. Во введении обосновывается актуальность темы, определяется объект и предмет работы, методы исследования, формулируются цели и задачи, а также описываются степень изученности проблем народной мифологии и исследований предшествующих работ исследователей в Китае, России и Сербии. В первой главе уделяется внимание названиям сербских мифологических персонажей и их диалектным вариантам. Во второй главе рассматриваются специфики наименований мифологические персонажи китайской провинции Шаньдун. Как в первой, так и во второй главе большое внимание уделяется экстралингвистическому аспекту исследования:

жертвоприношениям, оберегам и связанным с ними ритуальным действиям. В третьей главе проведен анализ сходств и различий в наименованиях мифологических персонажей с точки зрения языковой системы и с опорой на культурно-историческое содержание традиций. Приложение содержит ряд карт, посвященных сербским наименованиям мифологических персонажей (рекартографированных по уже имеющим картам³, с добавлением сведений из новых источников; полностью новая карта – «Названия водных духов»), а также китайским (Названия змееподобных демонов; Названия духа лисы; Названия водных духов; Названия вампира *ханьба*). Кроме того, в Приложении 2 представлены 7 рисунков, иллюстрирующих реальную локальную традицию китайской провинции Шаньдун.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава I «**Мифологические персонажи в народной традиции Сербии и специфика их наименований**» состоит из пяти параграфов, в которых рассматриваются мифологические персонажи-духи природных локусов и демоны атмосферных явлений, домашние духи, демоны судьбы, демоны болезни, а также демоны, произошедшие от людей, и люди с демоническими способностями.

В первом параграфе «**Духи природного пространства, демоны атмосферных явлений и их обозначения**» последовательно описываются мифологические персонажи (духи природного пространства), населяющие природные локусы (горы, реки, озера), а также демоны атмосферных явлений, связанные с воздушным пространством, которые вызывают ветер, тучу, засуху и т.п.

К духам природного пространства относится прежде всего *вила*, обитающая в лесу, в горах, в поле и т.п., а также хозяин подземных ресурсов *беркман* и повелители водного пространства *водени ђаво* или *водени бик*.

Вила – типичный балканский мифологический персонаж природного пространства, называемый «на большей территории Сербии, *вила*, а на юге и юго-востоке также *самовила* (иногда – *самовилка*), *самовилска вила*, *вила-самовила* (Лесковацкий край, Пиротский край, Пчиня). Там же можно встретить и такие названия: *самовилске сестре* (Пчиня, Лесковацкий край), *андре*, *андришта* (Пчиня), *самовил-девојћа* (Тимок)»⁴. Согласно народным представлениям, «вилы» живут на вершинах гор, в скалах, горных пещерах, озерах, в водных источниках, реже – в облаках, и нередко получают название по месту проживания: *нагоркиња* (< *гора* ‘гора’, ‘лес’), *пригорка* (< *пригорје* ‘подошва горы’), *подгорка* (< *подгорје* ‘предгорье’), *загоркиња* (< *загорје* ‘местность за горами’), *белогорка* (< *бела* + *гора* ‘гора’, ‘лес’), *планинкиња* (< *планина* ‘лесистая гора’), *пештеркиња* (< *пештера*, *пећина* ‘пещера’), *водаркиња* (< *вода* ‘вода’), *бродаркиња* (< *бродара* ‘верфь’, ‘причал’; или < *бродарина* ‘плата проезда через реку’), *облакиња* (< *облак* ‘туча’), *језеркиња* (< *језеро* ‘озеро’).

³ См. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004; Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт Славяноведения РАН, 2013.

⁴ Плотникова А.А. Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С 17.

Вила часто представляется красивой девушкой, с длинными заплетёнными волосами светлого, иногда золотистого цвета, откуда такие названия «вил», как *златокоса* (букв. ‘златовласая’, ‘златокудрая’), *плетикоса* (букв. ‘[девушка,] заплетающая косу’). Она одета в легкие, воздушные длинные платья, иногда вооружена стрелами. «Вилы» связаны с растительным миром, ср. названия некоторых трав и кустарников: *вилин лук* (букв. ‘лук вилы’), *вилин клинац* (букв. ‘гвоздь вилы’), *вилино сито* (букв. ‘сито вилы’), *вилино дрво* (букв. ‘дерево вилы’) и др. и считаются их покровительницами. В тех местах, где «вилы» играют или танцуют, на земле остаются круги пожелтевшей травы или вырастают за ночь грибы: *вилино коло* или *вилъе коло*. На такие круги опасно наступать, иначе можно заболеть или даже умереть, «см. в этой связи выражение *нагазио на вилино оро*, букв. – “наступил на круг вил” в значении ‘тяжело заболел’»⁵.

Наименования **повелителей водного пространства** в сербском языке чаще указывают на место их обитания и являются образованиями от корня **vod-*: серб. *водац*, (ср. также хорв. *vodenik*), или же включают в себя эпитет «водный»: серб. *водени човек* (Банат), *водени ђаво*, (ср. также хорв. *vodeni muž*, хрв. *vodeni duh*). Для наименования водяного черта использовались описательные конструкции (табу): *онај стари*, *онај мали* или даже *бог из воде* (с. Златица), а также личные имена: *Тартор*, *Кемза* (Шабач, западная Сербия), *Анђама* (Крушевац). В сербской мифологии он небольшого роста, но крепкого телосложения, волосатый и с остроконечной шапкой на голове, встречается в озерах и болотах, где якобы топил людей.

У сербов также циркулируют предания о присутствии в стоячих водоемах «хозяина» в облике крупного животного – это водяной бык⁶. Подобные персонажи появлялись во многих безымянных озерах или прудах. Их называют *вод(е)ни бик* или *вод(е)ни вол*, ю.-серб. *водењак* («черный бык, который по преданию живет на дне Власинского озера»).

Дух *беркман*⁷, обитающий в горах, считается властителем земных недр, хозяином приисков и покровителем рудокопов. Предложенное в качестве основного имя этого мифологического персонажа – *беркман* (восточная Сербия), *перкман* (Босния и Герцеговина), *perhmanec* (Хорватское Загорье), *bergmandli* (подравские хорваты в Венгрии) – представляет собою заимствование из немецкого языка (*Bergman* < *Berg* ‘гора’ + *Man* ‘человек’, букв. ‘горный человек’). У сербов наименования такого персонажа мотивированы связью этого духа с землей: з.-серб. *подземни дух*, *земаљски дух* (Косово, Бело Брдо); с рудокопами и металлами: з.-серб. *рударски цар*, букв. ‘горный царь’, ‘царь рудокопов’, з.-серб. *рударски чувар*, букв. ‘защитник рудокопов’, *мали рудар* (Парачин), букв. ‘маленький рудокоп’, с.-вост.-серб. *сребрни цар*, букв. ‘серебряный царь’, в.-серб. *метал* (Тимочка Краина), букв. ‘металл’.

⁵ Там же. С. 17.

⁶ Раденкович Л. Водяной бык в преданиях балканских славян // Полѹтропов. К 70-летию Владимира Николаевича Топорова. М., 1998. С. 439-446.

⁷ Раденковић Љ. «Беркман» и другие духи — властители земных недр у славян // Восток и запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик. 2007. С. 258-264.

К числу **демонов атмосферных явлений** относится (*х*)*ала*, *аждаја*, *ламија*, которые прилетают с градовыми тучами, вызывая непогоду (сильный ветер, вихрь, град и т.п.); а также летающий змей, перемещающийся по воздуху, и причиняющий засуху.

Змееподобный женский демонический персонаж, вредящий общине (урожаю, скоту, общему благополучию), известен всем южным славянам, в том числе и сербам. В зависимости от локальной традиции для его именованья используется сразу несколько лексем – славизм (*х*)*ала*, турцизм *аждаја*, грецизм *ламија*. В народе описывается как некое черное страшное существо: например, (*х*)*ала* изображается как огромное прожорливое чудовище с крыльями и хвостом, ср. значения слов, производные от этого названия: *алав* ‘прожорливый’, ‘ненасытный’ *алесија* ‘прожорливый человек’, *алосија* ‘то же’, само слово *ала* часто используется в значении прожорливого человека: «Тај ала једе торте као качамак»⁸ [Эта ала ест пирожные как качамак (каша)] (Луково).

Поскольку считается, что вредоносные змеи-драконы вызывают непогоду, приносят град, уничтожающий посеы, то и сами лексемы (*х*)*ала*, *ламија*, *аждаја*, а также их производные, развивают значения «ненасстье», «природная аномалия»⁹: з.-серб. *ала* ‘сильный ветер’ (Рудно), *аждаја* ‘град’, ‘буря’ (Съеничко-Пештерский край), в.-серб. *але* ‘ветер’, ‘вихрь’ (Доня Каменица, р-н Княжеваца), *але* ‘облака’, ‘тучи’ (Горни Висок), *аламуња* ‘сильный ветер’ (Равна Гора, р-н Власотницев), ю.-серб. *аламуња* ‘вихрь’, ‘ураган’, *алина* ‘сильный ветер’, ‘непогода’, *аламуња* ‘гром’ (Ябланица, р-н Пчини), *ала* ‘солнце во время дождя’ (Косово). В сербских селах на территории Воеводины, граничащей с Венгрией, для наименования персонажа типа (*х*)*ала* употребляется унгаризм *шаркань* ‘змей, ведущий тучи’¹⁰.

Летающий змей известен многим славянским традициям, где он зачастую выступает в роли мифологического любовника, посещающего смертных женщин. Согласно народным представлениям, *летающий змей* происходит от змеи-долгожителя, у которой отрастают крылья и ноги. В восточной Сербии летающего змея называют – *змај*, диал. *змеј*, который превращается в мужчину, чтобы вступить в отношения с женщиной. Считается, однако, что такие визиты нежелательны, поскольку в результате девушка слабеет. Записано множество ритуально-магических действий, как отвадить змея. В одном из рассказов упоминается, что раскаленное, огненное тело змея, задержавшееся в селе у своей возлюбленной, препятствует появлению дождя. Засуха не прекращается до тех пор, пока змей не улетит, и поэтому для вызывания дождя совершались специальные ритуалы “изгнания змея”: «Иду неку ноч, окају, лупају, змеја јуре, тој». [Ночью <мужчины> ходили по селу, кричали, шумели, преследовали змея]¹¹.

⁸ Златановић М. Речник говора југа Србије. Врање: Учитељски факултет у Врању, 2014. С. 16.

⁹ Плотникова А.А. Семантические и культурные балканизмы в этнолингвистическом аспекте // Исследования по славянской диалектологии: Ареальные аспекты изучения славянской лексики. М.: XXX, 2006. Вып. 12. С. 7-8.

¹⁰ Плотникова А.А. Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С. 19.

¹¹ Плотникова А.А. Мифологическая лексика сербско-болгарского пограничья // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 10. Терминологическая лексика материальной и духовной культуры балканских славян. М., 2004. С. 110.

Во втором параграфе «Духи домашнего пространства и их обозначения» рассматриваются духи, обитающие в жилом пространстве человека.

Наименования домашней змеи¹² указывают на место ее обитания – серб. *кућа* ‘дом’, *темель* ‘фундамент’, откуда происходят следующие названия: *кућна змија*, *кућевна змија* (Банат), *кућарка*, *змија кућарица* (Раш; Стари Бановци на севере от Белграда), *кућевник змија* (Ниш), *кућњача* (Валево), *кућница* (Черногория), *покућарка* (Банат, Срем), *покућарица* (в.-босн. Власеница, Республика Сербская), *темельча* (черногор. Дурмитор) и др. Верят, что в образе домового змеи потомкам являются их предки и что такой змее нельзя вредить. Так, сербы в Черногории считали домовую змею «тенью», «душою» (*сјен*) кого-то из домашних (ср. также с этим хорватское название *sjenovita zmiја*) и боялись, что этот человек умрет, если убить змею.

Представляя домовую змею первопредком, ее наделяли функциями защитника дома и всего хозяйства, скота, посевов и т.д., откуда ее наименования типа *чуваркућа* (серб., черногор.), *чувар куће* (Голия, ю.-зап.-серб.), *чуварица* (Боснийская Краина), от серб. *чувар* ‘сторож, хранитель’ или ю.-серб. *сајбијка* – от тур. *sahib* ‘хозяин’, реже – *пољарица*, *пољарка* от серб. *поље* ‘поле’.

Представления о белом цвете змеиной кожи у хорватов находят отражение в ее номинации – *bijela zmiја*, букв. ‘белая змея’ (Копривница). У сербов иногда встречаются названия домашней змеи *крснара* (Ниш) и *крсташица* (ю.-зап.-серб. Голия), букв. ‘крестовая’, ‘с крестом’, отсылающие к народным представлениям о том, что домовые змеи отличаются от обычных змей тем, что носят на голове крест (по более древним славянским представлениям – корону).

Помимо поверий о домашней змее, у сербов существуют представления о таком защитнике дома¹³ и шире – любой постройки и сельскохозяйственного угодья, как *таласон*: серб. *таласон* (Дони Милановац, Сува Планина), серб. *таласън* (Пирот), *таласум*, *таласъм* (Косово) от греческого *τέλεσμα* ‘жертва’, в которого превращается душа человека или животного, погибшего / принесенного в жертву при строительстве, или же того, чья тень была «замурована» в фундамент рабочими¹⁴, чем, в частности, мотивировался запрет ходить мимо строящегося дома. Помимо термина *таласон* и под., в восточных и южных сербских диалектах наименования данного мифологического персонажа – хранителя места – обозначаются турцизмом *сајбија* ‘хозяин’ (Лесковацкое Поморавье) и славизмом *сењћа* ‘тень’ (р-н Княжеваца, Пирот); кроме того, в Ябланице на р. Пчиня записан термин *домакин*, букв. ‘хозяин’.

Дух-обогатитель (*услужни дух*, букв. ‘дух-слуга’) по имени *кућни ђаво*, букв. ‘домашний дьявол’ исполняет все желания своего господина и наполняет его дом деньгами. Поверья об этом демоне отмечены в западных областях Сербии и в Воеводине (Панчево): он изображается в виде маленького человечка или рогатого и хвостатого чертика, который

¹² Раденковић Љ. Кућна змија у веровању и предању словенских народа // Гује и јакепи: књижевност, култура / уредници М. Детељић, Ј. Делић. Београд: Балканолошки институт САНУ, 2012. С. 167-184.

¹³ Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 232-239, 680-681.

¹⁴ В локальных вариантах под «таласоном» могли понимать духа-хозяина источника или вампира (см. Там же: 217, 237)

живет в дымоходе, под столом или в какой-нибудь посуде на кухне, где каждый день ему оставляют еду¹⁵.

Третий параграф «**Демоны судьбы: суженицы, орисницы, Усуд и др.**» посвящен анализу народных верований о демонах судьбы, которые определяют судьбу ребенка после рождения.

В большинстве сербскохорватских населенных пунктов для названия демонов судьбы употребляются дериваты, образованные от глагола «судить»: «суденице, усуде, судбине, судије, судбенице, пресудњаке, опсуде, суднице»¹⁶. В районе Заечара, Княжеваца и Болеваца, в говорах сербско-болгарского и сербско-румынского пограничья, обозначения демонов судьбы восходят к греческому *ορίζω* под влиянием болгарских или румынских наименований: «уриснице, уреснице, удуриснице». «В сербских областях, прилегающих к румынской границе, распространены румынские заимствования, мотивированные тем же корнем: *урсаториљи, урсуториљи, урсутори*»¹⁷.

Несмотря на то, что в основном демоны судьбы женского пола, встречаются и имена собственные *Усуд* и *Урис*, обозначающие индивидуализированных мужских персонажей-судей, и нарицательные, обозначающие множественных демонов судьбы – *усуди* и *уриси*. Любопытно, что «на границе Сербии и Македонии (Скопска Црна Гора) отмечены представления о том, что персонажи мужского пола – *суђеници* – определяют судьбу мужчин, а персонажи женского пола – *суђенице* – судьбу женщин»¹⁸.

Четвертый параграф «**Духи болезни и их обозначения**» посвящен образу духов, вредящих чаще роженице и ребенку.

Большинство наименований демонов, вредящих роженице и ребенку, являются образованиями от корня *баб-*: *бабице* (сев.-вост. Сербия), *бабиле* (Южное Поморавье), *бабке* (Южное Поморавье). Термин *бабице*, обозначающий вредоносных демонов, известен в юго-восточной Сербии¹⁹. При этом в большинстве случаев лексема *бабице* у южных славян употребляется в значении ‘болезнь’ или ‘духи болезни’ вообще. Значение ‘духи болезни при родах’, которые вредят роженице и новорожденному, известно в сербско-болгарском пограничье (северо-восточная Сербия, северо-западная Болгария). Другое имя демонов – *ноћнице* – указывает на время их появления, ночь. Считалось, что они боятся света, поэтому у постели роженицы и ребенка всегда держали горящую свечу или лампу, во время родов следили, чтобы в очаге горел огонь.

Говоря о демоне болезни ‘чума’, сербы прибегают к помощи эвфемистических имен и величают ее кумой (серб. *кума*) или тетей (серб. *тетка*), чтобы «породниться» с мифологическим персонажем и тем самым защитить себя от его вредоносного воздействия²⁰.

¹⁵ Зечевић С. Митска бића српских предања. Београд, 1981. С. 114-115.

¹⁶ Якушкина Е.И. Южнославянская лексика судьбы с точки зрения ареалогии // Исследования по славянской диалектологии. Вып.10. М., 2004. С. 171.

¹⁷ Там же: 176.

¹⁸ Плотникова А.А., Седакова И.А. Суженицы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах /под общей ред. Н. И. Толстого. Т. 5. М.: Международные отношения, 2012. С. 199.

¹⁹ См. Плотникова А.А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М.: Институт Славяноведения РАН, 2013. С. 40.

²⁰ Зечевић С. Митска бића српских предања. Београд, 1981. С. 95-97.

В лексикографических источниках встречаются соответствующие проклятия и ругательства, например: «Чума га ударила! – Погледај гу как је кај чума»²¹ [Чтоб чума его ударила! – Посмотри на него, как чума (т.е. страшная, некрасивая, неопрятная)] (Косово).

В пятом параграфе «**Демоны, произошедшие от людей, и люди с демоническими способностями, их обозначения**» речь идет о демонах, которые, согласно народным поверьям, происходят от людей, например вампир, демоны, связанные с некрещенными младенцами, ведьма. Кроме того, в главе рассматриваются люди со сверхъестественной силой: *вештица, мора, ветровњак*.

Вампира часто описывают как покойника, который «оживает», поднимается глубокой ночью из могилы, бродит вокруг и пьет кровь людей и животных. В Сербии основными названиями этого мифологического персонажа являются: *вампир* (также *вѣмпир, вампируља, лампир*), ю.-вост.-серб. *тенац* (также *теньц*) (окрестности Сврлига, Доня Каменица в р-не Княжеваца, Шестигабар в Буджаке, Горни Висок в Пиротском крае, Лужница), з.-серб. *вукодлак* (Козара, Посавье в Республике Сербской в Боснии и Герцеговине), *гробник* (Косово – Дечани, Подрима, Урошевац), *таласон, осењ* (Тимок), *опсења* (Болевацкий край), в.-серб., ю.-серб. *костеник*.

Наименование *вукодлак* характерно для западной части Южной Славии в целом (т.е. для Боснии, Хорватии и отчасти Словении), в то время как в Сербии и Черногории преимущественно фигурирует *вампир* и окказионально, в восточной Сербии, – *тенац*²². В восточносербских номинациях вампира, образованных от корня **těnj-*: в.-серб. *теньц, тенац*, отражаются представления о ходячем покойнике как о тени; это прозрачное, почти невидимое демоническое существо.

В не меньшей степени, чем вампир, опасны духи детей, умерших до крещения – *некрштенци*. Названия этих мифологических персонажей, известных всем славянским народам, в сербской традиции могут быть мотивированы их звуковой характеристикой, а именно, приписываемым им свойством издавать резкие звуки: «*дрекавац, дрекало, дреко, дрек* (центральная и западная Сербия, Босния) от серб. *дречати* ‘пронзительно кричать’; *свирац, свирџ* (юго-восточная Сербия – Лесковацкое и Враньское Поморавье), от серб. *свирати* ‘свистеть’; *кукумавђе* (Пирот), в.-серб. *кукумавка*, о которой говорят, что она кричит: “Куку-мау, куку-мау” и пьет кровь ребенка в пасмурную погоду (регион Горни Висок, села Дойкинцы, Брлог)»²³. На южной части сербского пограничья с Болгарией распространен иной тип названия данного мифологического персонажа – от **nav-* с характерным семантическим полем смерти (праслав. **navь* ‘мертвец’, ‘покойник’, родственный **naviti* ‘устать’, ‘утомиться’, ‘обессилеть’): «в.-серб. *навјак, навка* (часто в собирательном значении: *навје (наве), навјаџи, манавје, навоји*) (Пиротский край, Враньский край)»²⁴, *навђе, навије, навивје, навијенђе, навјета*.

²¹ Елезовић Г. Речник косовско-метохиског дијалекта // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1932. Књ. 6. Св. 2. С. 457-458.

²² Подробнее см. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М.: Индрик, 2004. С. 212-217, 634-640.

²³ Плотникова А.А. Сербская народная мифология в ареальном аспекте // Славяноведение. 2020. № 6. С. 22-23.

²⁴ Там же. С. 23.

В следующем параграфе «**Люди с демоническими способностями**» рассматриваются *вештицы*, *моры* и *ветровняк*, обладающие демоническими способностями и связанные с миром духов.

На территории Сербии ведьма называется: в.-серб. *вештица*, *вештечарка*, *маџијарка*; з.-серб. *вјештица*, *чињарица*, *чинилица*; ю.-серб. *мађијушница*, *мађешница*. Названия ведьмы мотивированы представлениями о ее «всезнании», а также ее способностями околдовывать человека: *вештица* от слав. **věd-* ‘знать’, *чињарица* от *чинити* о.-серб. ‘делать’, диал. ‘наводить порчу’, *мађешница* от греч. *μαγεύω* ‘колдовать’.

Мифологическим персонажем, сходным по функциям с «вештицей», является *мора*. Она нападает на людей во сне, пьет их кровь и «давит» их. Этимология имен *мора* (*тмора*), является проблематичной, в лексеме *мора* видят либо заимствование из греческого *μόρα*, либо же славянское образование, восходящее к общему и.-е. корн. **mor-*, **morь* ‘смерть’ или **mer-* ‘растирать, тереть’²⁵.

Обратимся к наименованиям мифологических персонажей, в обязанность которых входит не причинение вреда людям, а, напротив, защита села и окрестных угодий от градовых туч, бурь и вихрей, которые могут навредить будущему урожаю. На территории Сербии такие люди известны под наименованиями *здухаћ* или *здуха*, *здува*, *стуха*, *стува*, *стухаћ* (< слав. **dōti* и < греч. *στοιχεῖο* ‘дух стихии, защитник места’) (юго-западная Сербия)²⁶, *вјетровњак* (< серб. *ветар* ‘ветер’), *градобранитељ* или *бранитељ од леда* (< серб. *град*, *лед* ‘град’ + *бранити* ‘охранять’, ‘защищать’) (западная Сербия), *облачар* (Срем) (< серб. *облак* ‘туча’), *виловити човек* (< серб. *вила* + *човек* ‘человек’) (западная Сербия), *змајевити човек* (< *змај* ‘змей’ + *човек* ‘человек’), *змајевити деца* (< *змај* ‘змей’ + *деца* ‘дети’) (восточная Сербия), *времењак*²⁷ (< серб. *време* ‘погода’) (сербы на Поткозарье в Республике Сербской, Босния и Герцеговина).

Глава II «**Мифологические персонажи китайской провинции Шаньдун и специфика их наименований**» состоит из пяти параграфов, в которых рассматриваются мифологические персонажи – духи локусов, духи – демоны животных и растений, «нечистые» покойники, люди, обладающие сверхъестественными способностями и знаниями (шаманы и даосы), а также традиционные народные представления о смерти и судьбах загробного мира.

В первом параграфе «**Духи локусов**» описываются мифологические персонажи, делящие с человеком обжитое им культурное пространство (домашние духи), а также те персонажи, которые населяют горы, реки, озера и моря (духи природного пространства).

К числу мифологических персонажей, обитающих в жилом пространстве человека и обеспечивающих семью материальным достатком, относится прежде всего зооморфный дух, показывающийся в виде змеи (*цзя-сянь* [家仙], букв. ‘домашний бессмертный дух’, *цзя-лун*

²⁵ Левкиевская Е.Е. Змора // Этнолингвистический словарь: Славянские древности. /под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т.2. С. 341-341.

²⁶ Плотникова А.А. Здухач // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под общ. ред. Н.И. Толстого. Т.2. М.: Международные отношения, 1999. С. 303.

²⁷ Плотникова А.А. Человек против непогоды (по данным центрального ареала Южной Славии) // Образ человека в языке и культуре. М.: Индрик, 2018. С. 244-245.

[家龙], букв. ‘домашний дракон’, чанчун [长虫], букв. ‘длинное насекомое’ и др.), а также хозяева отдельных домашних зон – божество кровати чуан-шэнь [床神], господин очага цзао-цзюнь [灶君], боги дверей мэнь-шэнь [门神] и отхожих мест цэ-шэнь [厕神]. Все они связываются с духами предков, обитающих в доме, и обычно именуются божествами шэнь.

Домашняя змея считается духом умершего родственника или предка, обитает в доме или на крыше дома, показывается в виде змейки с телом необычного цвета (белого, ярко-красного или золотисто-желтого). Например, в селе Хуаньцзядяньцзицунь люди верят, что домашняя змея по имени бай-сяньгу [白仙姑] букв. ‘белый дух’ защищает семью и приносит богатство, счастье и удачу. В приморских районах Яньтай и Цзяодун имя домового змеи шэн-чун ([圣虫] букв. ‘священное насекомое’) сближают с эпитетом *изобильный*, основываясь на созвучии слов шэн [圣] ‘священный’ и шэн [剩] ‘избыток’, и верят, что она может обеспечить богатый урожай и изобилие пищи.

Цзао-цзюнь [灶君] букв. ‘господин очага’ (иначе цзао-лао [灶老爷] букв. ‘старый господин очага’ и цзао-ванье [灶王爷] ‘бог очага’, букв. ‘князь очага’) – мифологический покровитель дома, наблюдающий за поведением семьи. Если люди надеются на помощь духа в трудной ситуации, то они должны заблаговременно его задабривать. Для этого на кухне рядом с очагом вешают его «портрет», с обеих сторон от изображения прикрепляют надписи: «上天多多言好事, 下界事事保平安» [Когда <отправишься> на небеса, говори побольше добрых слов, /когда спустишься на землю, <пусть на ней будет> благополучие] (д. Сяовэншаньцунь, соб. зап.) и ему регулярно поклоняются.

Чуан-шэнь [床神] букв. ‘божество кровати’ (иначе чуан-му [床母], букв. ‘матушка-кровать’, чуан-поцзы [床婆子], букв. ‘старуха-кровать’, кан-найнай [炕奶奶] букв. ‘бабушка-лежанка’ или кан-моэрмоэр [炕嬷嬷儿嬷嬷儿] букв. ‘старуха-лежанка’) обитает в изголовье кровати и покровительствует женщинам и детям. Например, в селе Мачжанцунь про детей, которые, упав с кровати, остались целы и невредимы, говорят, что их «炕嬷嬷儿嬷嬷儿接着了» [старуха кан-моэрмоэр подхватила] (соб. зап.).

Духи дверей мэнь-шэнь [门神] букв. ‘божество ворот’ (иначе – мэньшэнь-хуе [门神—护爷] букв. ‘бог двери – господин защитник’ или просто мэнь-шэнь-е [门神爷] букв. ‘господин бог двери’) являются охранителями дома от нечистой силы. Почти в каждой деревенской семье на Новый год хозяева вешают на воротах дома изображения двух генералов – страшных мужчин, облаченных в доспехи, с когтистыми пальцами и оскаленными зубами. Таким образом пугают черта, который не входит в дом, см. детское стихотворение (в г. Цзинань): «门神门神扛大刀, 大鬼小鬼忙逃跑»²⁸ [Мэнь-шэнь, мэнь-шэнь носит огромный меч, Большой чёрт и маленький чёрт убегают прочь].

Женского божества отхожих мест цэ-шэнь [厕神] в провинции Шаньдун часто называют цэ-гу [厕姑] букв. ‘тётка туалета’, цзы-гу [紫姑] букв. ‘пурпурная тётка’, или просто «тёткой», гугу [姑姑]. В ритуалах поклонения цэ-шэнь принимают участие только

²⁸ 侯军. 门神. // 今晚报, 2022年2月6日第8版. [Хоу Цзюнь. Дух двери // Цзиньваньбао: газета, 6 февраля 2022. С. 8]

девочки, девушки и женщины. Например, в уезде Лайян на 16-й день первого лунного месяца или (реже) шестого числа шестого лунного месяца девушки гадают о замужестве. Обряд называется *бань гузу* [搬姑姑] букв. ‘переместить гузу’. Семь-восемь молодых женщин собираются рано утром у туалета или свинарника, возжигают ароматические свечи, кладут принесенные дары, и приглашают *гузу* прийти. Они сообщают «тётке» о своем желании, после чего кладут на горлышко кувшина каменную плитку и с приговором «*гугу* лин, *гугу* лин, *гугу* не лин кань цюань»²⁹ [*Гузу* чудодейственна, *гузу* чудодейственна; [если] *гузу* не чудодейственна, каменная плита упадет] передвигают кувшин, чтобы узнать, сбудется ли оно. Если каменная плитка не упадет, боги выполняют то, о чем они просят, в противном случае ритуал будет повторяться снова и снова.

Духи природного пространства представлены преимущественно духами гор, морей и рек. На горе Тайшань, одной из пяти священных гор, пребывает богиня Бися Юаньцзюнь [碧霞元君]³⁰ – «госпожа лазоревых облаков» или (в ином переводе) «госпожа лазоревой зари». Люди обращаются к ней как к старшей родственнице, бабушке или матери – *Тайшань-лао-найнай* [泰山老奶奶] букв. ‘старая бабушка горы Тайшань’ (центр. Шаньдун), *Тайшань-лаому* [泰山老母] букв. ‘старая матушка горы Тайшань’ (вост. Шаньдун), *найнай* [奶奶] букв. ‘бабушка’. Дух, почитаемый в горах, часто называется бабушкой. В западных уездах провинции Шаньдун (уезды Чипин, Нинъян, Вэньшан) рассказывают о сестре *бабушки Тайшань*, *бабушке Лу-гу* [鲁姑奶奶] букв. ‘бабушка тётушка Лу’. На горе Бошань (уезд Бошань) расположены храмы для поклонения *Янь-найнай* [颜奶奶] букв. ‘бабушка [по фамилии] Янь’.

В качестве духа-хранителя местности могут также почитать большой камень, валун или скалу, напоминающие своей формой человеческую фигуру. Такой камень называют *каменной матушкой*, *ши-попо* [石婆婆] или *старой каменной бабушкой*, *ши-лао-найнай* [石老奶奶], полагая, что тысячу лет назад в камень превратилась какая-то женщина. Это послужило основой для возникновения обычая брать камень в приемные матери для слабых и больных детей, чтобы он «оберегал» их здоровье. Родители просят знахаря найти подходящую *каменную названную мать*, *ши-гань-нян* [石干娘]. Ребенок должен признать эту *ши-попо* своей матерью и каждый год – вплоть до самой свадьбы – подносить ей ладан, одежду и вино. Другая группа названий священного камня, известных в центральных горных районах провинции Шаньдун, – *ши-гань-дан* [石敢当] (наиболее частотное имя, которое можно перевести как «каменный храбрец», поскольку оно образовано от слов со значением ‘камень’ и ‘дерзать’, ‘смело брать на себя’), *ши-цзянцзюнь* [石将军] букв.

²⁹ 盖松亭. 莱阳搬姑姑习俗源流考 // 民俗研究. 1991年. 第4期. 第84-85页. [Гай Сунтин. Исследование происхождения обычая Бангугу в уезде Лайян // Исследование фольклора: журнал. 1991. № 4. С. 84-85.]

³⁰ Об учреждении культа богини существует следующее предание: когда сунский император Чжэнь-цзун возвращался домой после совершения ритуала фэншань [封禅] букв. ‘благодарения неба и земли’, он наклонился над прудом, чтобы обмыть руки, и увидел, как со дна поднимается каменная статуя, нефритовая девушка. Он приказал чиновникам выстроить храм и совершать поклонение перед статуей, в образе которой почиталась бы небесная богиня, дочь Священного императора, **Бися Юаньцзюнь** – 山曼. 泰山风俗. 济南出版社, 2001年, 第35页 [Шань Мань. Обычай горы Тайшань», изд-во “Цзинань чубаньшэ”, 2001. С. 35].

‘каменный генерал’, *ши-дайфу* [石大夫] букв. ‘каменный врач’, потому что он может исцелить людей от болезней, *шижэнь-лао* [石人老爷] букв. ‘старый господин каменный человек’, отражает представление о таком камне как о мужском мифологическом персонаже.

Духа земли, *Туди* [土地] букв. ‘земля’, жители провинции Шаньдун называют также *Туди-лао-е* [土地老爷] букв. ‘старый господин-земля’ или *Туди-е-е* [土地爷爷] букв. ‘дедушка-земля’, *Туди-гунгун* [土地公公] букв. ‘господин-земля’. В «народной» версии даосизма он обладает самым низким статусом, но очень популярен и считается «простонародным духом». Как дух-хранитель местности *Туди* несет ответственность за защиту горы и определенного участка земли. В третий день первого лунного месяца (в так называемый день путешествия [出行日]) люди в поле сооружают стол и кладут на него угощение для *Туди*, сжигают благовония, оставляют подарки, а затем трижды вскапывают землю со словами: «一刨金, 二刨银, 三刨刨出金宝盆»³¹ [На первый раз выкопается золото, на второй выкопается серебро, на третий выкопается золотой таз <с неиссякающими драгоценностями>], чтобы жизнь была благополучной и чтобы уродилось много зерна. Согласно традиционным шаньдунским представлениям, не только *Туди* может обеспечить хороший урожай, и не ему одному молятся, когда наступает сезон посева и жатвы. На юго-западе провинции (в уездах Цзиньсян, Динтао и Вэйшань) существует культ *Пшеничной бабушки*, *майман-найнай* [麦芒奶奶], иначе – *май-ван-найнай* [麦王奶奶] букв. ‘бабушка-государыня пшеницы’, т.е. мифологического персонажа, ответственного за рост пшеницы и спелость зерна.

Верования о морском царе драконов *Лун-ван*, который обитает на море Дунхай (Восточно-Китайское море), известны по всей провинции (особенно в приморье). Его знают под именем *Лун-ван* [龙王] букв. ‘царь драконов’, *Лун-ван-е* [龙王爷] букв. ‘господин царь драконов’), *Хай Лун-ван* [海龙王] букв. ‘морской царь драконов’, *Дун-хай Лун-ван* [东海龙王] букв. ‘царь драконов Восточного моря’. Считается, что царь драконов повелевает дождевыми тучами, чем объясняются такие названия дракона, как *цин-лун* [青龙] букв. ‘синий дракон’. Иногда морской дракон наделяется именем собственным: *Чжу Лун-ван*, *Цзяо Сань Лун-ван*, *Лун-ван Фэн*, *Ли лун*. В этом случае речь всегда идет о мифологических существах смешанной природы, о полулюдях-полудраконах, которые зачастую не имеют хвоста (он родился от смертной женщины, и отец от страха отрезал ему хвост). Народная мифология наделяет бесхвостого дракона *туйба лао-Ли* [秃尾巴老李] (букв. «бесхвостый старый господин <по фамилии> Ли») функцией носителя дождя и града. Говорят, что каждый год дракон навещает свою мать и приносит с собой град, которым уничтожает посевы на полях отца в отместку за то, что тот отрубил ему хвост.

Еще одним божеством, которое чтят жители приморских районов Шаньдуна, является *хайшэнь-няннань* [海神娘娘] букв. ‘морское божество – государыня’. Это божество представляется в образе красивой доброй женщины. Она считается хранительницей моря, покровительницей рыбалки и возвращения домой рыбаков и мореплавателей во время

³¹ 叶涛. 中国民俗大系: 山东民俗. 兰州: 甘肃人民出版社, 2003 年, 第 296 页 [E Tao. Народные обычаи Китая: Шаньдунский народный обычай. Ланьчжоу: изд-во “Ганьсу жэньминь чубаньшэ”, 2003. С. 296].

шторма, поэтому она получила другое название – *Гуйшань-няннан* [归山娘娘] букв. ‘государыня возвращения на гору (т.е. домой)’.

Речные божества представлены в народной мифологической системе Шаньдуна такими персонажами, как *даваны* [大王] букв. ‘великий государь’ (выражение, применяемое для обращения к государю), обитающими в реке Хуанхэ. Их наделяют способностью посылать дождь или останавливать наводнения, и во время наводнения молятся именно им. Существуют шесть даванов: *Цзинь лун-сы даван* [金龙四大王] букв. ‘золотой четвертый дракон – даван’, *Хуан даван* [黄大王] букв. ‘даван [по фамилии] Хуан’, *Чжу даван* [朱大王] букв. ‘даван [по фамилии] Чжу’, *Ли даван* [栗大王] букв. ‘даван [по фамилии] Ли’, *Сун даван* [宋大王] букв. ‘даван [по фамилии] Сун’, *Бай даван* [白大王] букв. ‘даван [по фамилии] Бай’.

Водяная бессмертная черепаха живёт в реке или озере. Ее называют *бе-цзин* [鳖精] букв. ‘демон черепахи’ или *лао-бе-ван* [老鳖王] букв. ‘старая государыня-черепаха’, она повелевает всеми речными обитателями. Бессмертные водяные черепахи обладают сверхъестественной силой, могут вызывать ветер и дождь. Водяные черепахи появлялись в облике человека: красивой девушки (д. Маюйцунь), учителя (уезд Лайси) и др. Способность к оборотничеству черепаха может использовать для того, чтобы обмануть человека или подшутить над ним.

Во втором параграфе «**Духи – демоны растений и животных**» рассматриваются народные представления о таких персонажах народной демонологии, как растения и животные, обладающие душой и способные принимать человеческий облик.

Для обозначения демонов растений и животных употребляются слова классификаторы *цзин* [精] и *яо* [妖], каждое из которых можно переводить как «демон-оборотень». Если применительно к демонам растений и животных употребляется лексема со значением ‘бессмертный дух’ (*сянь* [仙] или даже *шэнь* [神]) – дух лисы *ху-сянь*, дух колонка (животное, род ласок и хорей) *хуан-сянь*, дух змеи *чан-сянь*, божество дерева *шу-шэнь* – то речь, как правило, идет о существе, путем практик самосовершенствования достигшем высокой степени духовности и бессмертия, которое выступает в роли покровителя местности и проживающей там общины.

Было зафиксировано предание о божестве дерева *шу-шэне*, которое ходатайствует перед Небесным Владыкой о ниспослании дождя крестьянам, страдающим от продолжительной засухи. *Шу-яо* [树妖] букв. ‘дерево-оборотень’) нередко представляют в виде человека, который живет в персиковых деревьях, в кипарисе или сосне. По народным представлениям, змея-оборотень (*шэ-яо* [蛇妖] или *шэ-цзин* [蛇精]) показывается в облике красивой девушки, чтобы вступить с мужчиной в связь и забрать его жизненную энергию (*цзин-ци*).

Самым распространенным зооморфным персонажем является демон лисицы. Согласно современным этнографическим и фольклорным данным, в провинции Шаньдун верят в существование двух типов мифологических персонажей, имеющих природу лисы: демонов-оборотней *цзювэйху* [九尾狐] букв. ‘девятихвостая лиса’, *ху-яо* [狐妖] букв. ‘лиса-

оборотень', *хули-цзин* [狐狸精] букв. 'лиса-оборотень' (уезд Нинъян), *ху-мэй* [狐媚] букв. 'лиса-чаровница' и лисьего духа, выступающего в роли хранителя местности, *ху-сянь* [狐仙] букв. 'лис-бессмертный дух' (округ Дэчжоу), *пиху-сянь* [皮狐仙] букв. 'лис-бессмертный дух в шкуре' (округ Цзыбо), *лао-сань-гэ* [老三哥] 'старшего третьего брата' (деревня Юйвантай городского округа Вэйфан), *ху-лао-сянь-ши* [狐老先师] букв. 'лисий старый дух-учитель', *ху-да-тай-е* [狐大太爷] букв. 'первый старший господин бессмертный лис' (район Цзимо) и др.

Культы духов лисицы и колонка были частью распространенных шаманских и медиумных практик. В этом случае духа лисицы называют *ху-дасянь* [狐大仙] букв. 'лисий великий бессмертный дух', духа колонка *хуан-дасянь* [黄大仙] букв. 'желтый великий бессмертный дух'. Считается, что духи лисицы или колонка могут вселяться в женщину-шамана и помогать ей исцелять болезни.

Третий параграф «Люди, обладающие сверхъестественными способностями: шаманы, даосы. Избавление от болезней» посвящен обзору народных верований о шаманах и даосских монахах, людях, которые сами мифологическими персонажами не являются, однако способны общаться с миром духов.

Шаманы могут приглашать духов в свое тело, видеть души умерших и общаться с ними. Они имеют своих «учителей» (духов) и зовутся *сянь-цзя* [仙家] (уезд Ишуй), *сян-тоу* [香头] (р-н Динтао), букв. 'благовонная голова' и *сян-чжань* [香站] (уезд Линьцзюй), букв. 'благовонное место' или 'место <где ставят> благовония', *шэнь-по-цзы* [神婆子] (уезд Цаншань), букв. 'божественная старуха' или *шэнь-мо-мо-эр* [神嬷嬷儿] (уезд Синьтай), букв. 'божественная старуха'. Женщины-шаманы (*сянтоу*) обустроивают в своих домах жертвенные залы или углы для жертвоприношений. Те, кто хотят пообщаться с духами, приходят туда, зажигают курительную палочку, а затем при посредничестве *сянтоу* задают духам вопросы. Традиционно способность творить чудеса также приписывается даосским монахам, *даоши* [道士] букв. «даос-волшебник» (р-н Цзимо; уезд. Лайчжоу). Верят даже, что *даоши* путем выполнения определенных практик может достичь бессмертия. Считается, что он способен изгонять призраков, духов и демонов, лечить болезни.

Существует пять божеств заразных **болезней** *вэнь-шэнь* [瘟神], наделяемых статусом «вестников», *шичжэ* [使者] и, согласно даосизму, личными именами, каждое из которых ассоциируется с одной из пяти сторон света (югом, севером, западом, востоком и центром): восточный дух болезни – посланник Чжан, южный – посланник Тянь, западный – посланник Чжао, северный – посланник Ши, а в центре – посланник Чжун. В провинции Шаньдун сохраняется вера в божество оспы *доу-шэнь* [痘神] (иначе – *доушэнь-няннан* букв. 'матушка богиня оспы', *тяньхуа-няннан* букв. 'матушка небесных цветов <оспы, оставляющей красные «цветы», т.е. рубцы>'). В уезде Лайян ее также называют *хуа-цзецзе* [花姐姐] букв. 'цветочная сестра', *доу-гэгэ* [痘哥哥] букв. 'брат оспы'.

В четвертом параграфе «Нечистые» покойники» речь идет о демонах (*гуй*), которые, согласно народным поверьям, происходят из неуспокоенных душ умерших.

«Шуйгуем» [水鬼] (букв. ‘водяной гуй’) становится душа утопленника, потому что такие покойники не получают могилы и, соответственно, места поминаения. Считается, что они не успели попасть в «иной» мир и ходят в образе «гуя» – беса, черта. Верят, что если *шуйгуй* утопит какого-либо человека, то долг переходит на утопленника, а сам он освобождается. Тогда уже утопленник становится «шуйгуем». Водяных чертей в горных районах также называют *шуй-гуай* [水怪] букв. ‘водный монстр’, *шуй-хоуцзы* [水猴子] букв. ‘водная обезьяна’, или *шуй-хайцзы* [水孩子] букв. ‘водяной ребенок’. На юге провинции Шаньдун эти демоны называются *шуйгуй-маожэнь* [水鬼毛人] букв. ‘водяной черт – заросший шерстью человек’, *маожэнь-шуйгуай* [毛人水怪] букв. ‘заросший шерстью человек – водной монстр’, или просто *маожэнь* [毛人] букв. ‘заросший шерстью человек’, потому что, по народным представлениям, эти мифологические персонажи покрыты с ног до головы длинной шерстью. Они могут превращаться в светящиеся огоньки, отчего происходят их следующие названия – *ходань* [火蛋] букв. ‘огненное яйцо’ и *хоцю* [火球] букв. ‘огненный шар’.

Ходячего мертвеца называют *цзяншигуй* [僵尸鬼] букв. ‘окоченевший труп-гуй’, *и-ши* [移尸] букв. ‘передвигающийся труп’, *цзоу-ши* [走尸] букв. ‘ходячий труп’ или *цзоу-ин* [走影] букв. ‘ходячая тень’. Он ночью покидает могилу, чтобы пить кровь человека и животных. Считается, что похороненный не по обряду покойный в течение ста дней может превратиться в демона засухи *ханьба* [魃] букв. ‘демон засухи’, иначе – *ханьгуй* [旱鬼] букв. ‘гуй засухи’ и *ханьгу-чжуан* [旱骨] букв. ‘кости [= ходячий покойник] засухи’. В восточных районах провинции Шаньдун тело покойника, которого считали *ханьбой*, сжигали, говоря *да ханьба* [打旱魃] букв. ‘бьют ханьба’, только после этого должен был пойти дождь.

Известны и другие мифологические персонажи, названия которых включают компонент «обезьяна»: например, *лаохоуцзы* [老猴子] букв. ‘старая обезьяна’ или *махоуэр* [马猴儿] букв. ‘обезьяна-конь’, под которым понимается вымышленное страшилище, которым пугают детей: «再不听话,老猴子来咬了啊!»³² [Если не будешь слушаться меня, то пусть тебя загрызет *лаохоудзы*].

Пятый параграф «Судьи загробного мира. Судьба человека» посвящен общему описанию китайских традиционных представлений о божествах, определяющих судьбу человека и вершащих суд над его душой после смерти. В китайской традиционной картине мира существуют представления об аде и его владыке, о загробных мучениях души за грехи, совершенные при жизни, а также о судьбе, определенной каждому человеку незадолго до его рождения и не подлежащей изменению.

Главным образом судьбу человека определяет властитель ада Янь-ван, также называемый *Янь-ван-е* [阎王爷] букв. ‘господин Янь-ван’; *Янь-ван-е-е* [阎王爷爷] букв. ‘господин Янь-ван’, *Янь-ван-е* [阎王老爷] букв. ‘старый господин Янь-ван’. После смерти душа человека расстается с телом и отправляется к яньвану, который судит поведение при

³² 李荣. 现代汉语方言大辞典. 南京: 江苏教育出版社, 2002 年, 第 1220 页. [Ли Жун. Словарь современных китайских диалектов. Нанкин: изд-во “Цзянсуцзяоюй чубаньшэ”, 2002. С. 1220].

жизни, далее душа перерождается. Под руководством Яньвана происходит суд над душой, где оцениваются поступки при жизни. Восседающему на троне Янь-вану помогают решать дела гражданские и военные чиновники, *пань-гуань* [判官] букв. ‘чиновники <которые являются> судьями’, т.е. данное наименование указывает на их функцию – «судить». В книге Янь-вана записана продолжительность жизни каждого человека, и, когда та подходит к концу, он посылает двух *у-чанов* [无常] букв. ‘непостоянство’ для сопровождения души умершего в подземный мир.

Глава III «Сравнительно-типологический анализ терминологической лексики демонологических систем Сербии и Шаньдуна (Китай)» посвящена сопоставительному анализу типологических сходжений в наименованиях мифологических персонажей, а также их различиям в рассматриваемых генетически разных традициях.

При сравнительном сопоставлении списков имен персонажей народной демонологии Сербии и провинции Шаньдун обращает на себя внимание различная формальная структура терминов, которые употребляются для номинации мифологических существ. Это объясняется разным грамматическим строем рассматриваемых языков: сербский – флективный, а китайский – изолирующий. В то время как основную часть сербских наименований составляют существительные – суффиксальные производные от прилагательных, существительных и (реже) глаголов, подавляющее большинство китайских имен образованы словосложением и представляют собой двух- или трехкомпонентные образования, последний элемент которых содержит указание на принадлежность называемого персонажа к конкретной категории (божество, дух-покровитель, демон-оборотень, черт и др.).

К числу продуктивных словообразовательных суффиксов со значением лица-носителя свойства или качества, названного мотивирующим прилагательным, которые используются для образования сербских имен мифологических персонажей, относятся **-ак** (*вјетровњак* ‘люди со сверхъестественной силой’, *маљак* ‘дух-обогадатель’), **-ик** (*гробник* ‘вампир’, *костеник* ‘то же’, *топленик* ‘водяной’), **-ица** (*крсташица* ‘домовая змея’, *кућњица* ‘то же’, *ноћњица* ‘мора’, *ноћнице* ‘ночной демон’, *кућеница* ‘домовая змея’, *судбенице*, *сућенице* ‘предсказательницы судьбы человека’). При помощи суффиксов **-ар** (*облачар*), **-ац** (*водац* ‘водяной’), **-ка** (*белогорка* ‘вила’, *подгорка* ‘то же’, *пригорка* ‘то же’, *покућарка* ‘домовая змея’, *пољарка* ‘то же’), **-киња** (*бродаркиња* ‘вила’, *водаркиња* ‘то же’, *загоркиња* ‘то же’, *нагоркиња* ‘то же’, *облакиња* ‘то же’, *пештеркиња* ‘то же’, *планинкиња* ‘то же’) от основы существительных образуются имена мифологических персонажей, мотивированные местом их пребывания. Отглагольные имена, внутренняя форма которых отражает род занятий мифологического персонажа или приписываемых ему действий, образуются с помощью суффиксов **-ац** (*дрекавац* ‘некрещенный младенец’, *свирац* ‘то же’), **-аћ** (*здухаћ*), **-тель** (*градобранитель*), **-(ар)-ица** (*чињарица* ‘ведьма’, *чуварица* ‘домовая змея’). Менее распространенные составные, двухкомпонентные наименования представлены парой прилагательное + существительное (*водени бик*, *водени ђаво*, *кућна змија*, *мали рудар* ‘беркман’, *рударски чувар* ‘то же’, *услужни дух* ‘дух-обогадатель’ и др.), при этом прилагательное / глагол и существительное в такой модели могут объединяться, что

приводит к появлению имен типа *златокоса*, *плетикоса* ‘вила’, что более характерно для сербского фольклора – эпических песен, мотивом которых становится помощь «вилы» сербскому народному герою (или, наоборот, угроза, наказание).

В противоположность этому, китайские наименования демонологических персонажей всегда многосоставны и образованы способом словосложения, доминирующим в системе китайского языка. Во многих случаях в образовании названий используется одна из следующих лексем-классификаторов: *шэнь* [神] ‘божество’, ‘бог’, *сянь* [仙] ‘бессмертный дух’, *цзин* [精] ‘демон-оборотень’, *яо* [妖] ‘демон-оборотень’ и *гуй* [鬼] ‘чёрт’, (редко) *мэй* [媚] ‘демон-оборотень’, *гуай* [怪] ‘чудовище’, ‘монстр’, *хоуцзы* [猴子] ‘обезьяна’, каждая из которых закреплена за определенным классом персонажей – покровителем дома или местности, чертом, демоном животного и др.

Примечательно, что в то время, как среди сербских наименований мифологических персонажей мы находим такие, как *водени човек*, *змајевит човек*, а также *виловита* / *аловита деца*, т.е. с опорными словами *человек* (*мужчина*), *ребенок*, лексемы *мужчина*, *женщина* или *ребенок* практически не встречаются в названиях китайских демонов (отмечен только один подобный термин, но и там слово *человек* употреблено совместно с традиционным компонентом *гуй*: *шуйгуй-маожэнь* [水鬼毛人] ‘водяной’, букв. ‘водяной черт – заросший шерстью человек’). Однако, когда речь заходит о именовании шаманов, то в этих названиях компоненты *шэнь* [神] ‘божество’ и *сянь* [仙] ‘бессмертный дух’ будут сочетаться со словами *мужчина*, *женщина*, *старуха*, отражая представления о том, что такие персонажи находятся на границе между миром духов и миром людей: *шэнь-хань* [神汉], букв. ‘божественный мужчина’, *шэнь-по* [神婆], букв. ‘божественная матушка’, *шэнь-мо-мо-эр* [神嬷嬷儿], букв. ‘божественная старуха’, *шэнь-лао-моэр-моэр* [神老嬷嬷儿], букв. ‘божественная старая старуха’, *сянь-нюй-ляо-по* [仙女老婆], букв. ‘бессмертная женщина – старая матушка’.

Все рассматриваемые сербские и китайские наименования мотивированы 1) внешним видом персонажа: цвет, размер, форма, наличие/отсутствие волосяного покрова; 2) местом его обитания: гора, река, облако, дом, 3) временем его появления: ночь; 4) его происхождением (генезисом): рождение от других демонов, на причину смерти «до срока»; 5) его функциями. В китайской системе наименований прослеживается также связь с местом персонажа в иерархической системе: с использованием терминов родства (матушка, бабушка, брат, сестра) – в большей мере, чем в сербском, а также – сословных (император, государь, князь), воинских (генерал) и гражданских званий. Важно отметить, что в обеих языковых системах односоставные номинации мотивированы каким-то одним признаком (например, в имени домового змеи *покућарка* отражается место ее обитания, в названии водяного *хо-цю* [火球], букв. ‘огненный шар’, – его внешний вид, в то время как в многосоставных китайских наименованиях могут реализовываться сразу несколько моделей: например, название персонажа *цзинь лун-сы даван* [金龙四大王], букв. ‘золотой четвертый дракон – даван’, мотивировано, во-первых, внешним видом дракона (его золотым цветом),

во-вторых, его местом в иерархической системе персонажей (он является четвертым сыном в своей семье).

Факт использования терминов родства для номинации болезней стоит признать языковой универсалией: сербы называли чуму и холеру «кумой» или «тетей», задабривая воображаемый нежелательный персонаж. Ср. китайские эвфемистические имена болезней: *хуа-цзецзе* [花姐姐], букв. ‘цветочная сестра’ [=оспа], *доу-гэгэ* [痘哥哥], букв. ‘брат – оспа’. Помимо этого, болезни могут почтительно именоваться «матушкой» (*доучжэнь-няннан* [痘疹娘娘], букв. ‘матушка оспы и кори’) или «божеством» (*доу-шэнь* [痘神], букв. ‘божество кори’).

В ряде случаев названия сербских и китайских мифологических персонажей табуируются. С этой целью в сербской традиции используются описательные конструкции типа *онај мали* ‘водяной’, *онај стари* ‘то же’, ср. также хорв. *она из зид* ‘домовая змея’, букв. «та из стены». В китайской традиции мифологический персонаж домовая змея никогда не может прямо называться «змеей», только «божеством», «духом», либо же – «драконом» (*сяо-лун* [小龙], букв. ‘маленький дракон’, *цзя-лун* [家龙], букв. ‘домашний дракон’) или «насекомым» (*чан-чун* [长虫], букв. ‘длинное насекомое’, *шэнь-чун* [圣虫], букв. ‘священное насекомое’). Интересна также специфика китайской эвфемизации – речь идет о замене табуированного слова другим иероглифом, обладающим сходным звучанием. В качестве примера приведем пары 狐 (ху) ‘лиса’ и 胡 (ху) ‘[китайская фамилия] Ху’ в названиях лисьих демонов: *ху-да-сянь-гу* [胡大仙姑], букв. ‘первая старшая госпожа Ху [=бессмертная лиса]’, *ху-сань-сянь-гу* [胡三仙姑], букв. ‘третья госпожа Ху’ и др.; 长 (чан) ‘длинный’ и 常 (чан) ‘обычный’ в названии домового духа – и без того табуированном – 常家仙 (*чанцзя-сянь*), букв. ‘обычный домовый дух’ вместо 长家仙 (*чанцзя-сянь*), букв. ‘длинный домовый дух’.

Как сербские, так и китайские мифологические персонажи могут наделяться собственными именами, существенная разница состоит лишь в том, что сербские имена – это имена личные: *Андресила*, *Јованка*, *Катарина*, *Мандалина*, *Равијојла* и др.; а китайские – как правило, являются фамилиями, подчеркивающими принадлежность персонажа к определенному семейному роду: *Чжу лун-ван* [朱龙王] букв. ‘царь драконов [по фамилии] Чжу’, *лун-ван Фэн* [龙王冯], букв. ‘царь драконов [по фамилии] Фэн’, *Ли лун* [李龙], букв. ‘дракон [по фамилии] Ли’.

Необходимо отметить присутствие в сербском перечне наименований мифологических персонажей достаточного количества заимствований из разных языков (венгерского, греческого, немецкого, румынского, турецкого) и полное отсутствие иноязычных терминов в составе названий шаньдунских персонажей. Среди названий сербских мифологических персонажей встречаются германизмы (*беркман* и под.), грецизмы (*ламија*, *таласон* ‘дух – хранитель построек’ < греч. *τέλεσμα* ‘жертва’, *уриснице* < греч. *ορίζω* ‘определять’, *мађијушница* < греч. *μαγεύω* ‘колдовать’), румынизмы (*урситориѝ* < рум. *ursitoarele* ‘демоны судьбы’), турцизмы (*аждаја*, *сајбијка* ‘домовая змея’ < тур. *sahib* ‘хозяин’), унгаризмы (*шаркань* ‘змей, ведущий градоносные тучи’ < венг. *sárkány* ‘дракон’),

которые появляются путем многочисленных кросс-культурных коммуникаций. В китайской системе номинаций в регионе Шаньдун такое явление отсутствует (не считая терминов из буддийского санскрита, например, *яньван* 'властитель ада'). Наиболее вероятным объяснением этому факту служит то, что территория, на которой расположена провинция, с самой ранней своей истории являлась колыбелью китайской цивилизации, и контакты ее жителей с представителями иноязычных традиций были ограничены.

В **Заключении** суммируются основные положения диссертации и формулируются ее основные выводы.

1. В сербской мифологии типичными южнославянскими мифологическими персонажами являются водяной *ђаво* (серб. *водени ђаво*), домашняя змея (серб. *кућна змија*), вампир (серб. *вампир* / *вукодлак*). При этом встречаются собственно славянские лексемы, известные и в разных других регионах Славии (*вила*, *вештица*, *змај/змеј*, *навјак* и др.). В провинции Шаньдун имеются мифологические персонажи, которые известны на всей территории Китая: царь драконов *лунван* (ниспосылает дождь), водяной *шуйгуй* (топит людей), владыка ада *яньван* (определяет судьбу человека). Помимо этого, встречаются собственно шаньдунские персонажи, например, бабушка в горах Тайшань *бияюаньцзюнь*, речной змей *даван*, бесхвостый дракон *туиба лао-Ли* и др.

2. Терминологическая лексика народной мифологии в Сербии и Китае (провинции Шаньдун) отражает местные диалектные различия. Специфика сербского этнодиалектного пространства состоит в следующем: 1) Наименования мифологических персонажей в восточной и западной Сербии сильно отличаются, что соответствует противопоставлению зон новоакцентного и староакцентного типа; 2) Какой-либо тип названия того или иного мифологического персонажа характерен для той или иной пограничной зоны (сербско-болгарской, сербско-румынской, сербско-македонской, сербско-венгерской). В китайской провинции Шаньдун наименования мифологических персонажей отражаются в зеркале двух основных диалектных зон – восточной и западной, на специфику которых очевидно влияет тип ландшафта территории (на западе – равнина, на востоке – горы).

3. Экстралингвистическим контекстом бытования терминологической лексики становятся локальные народные представления и обычаи, соответствующие менталитету анализируемых этносов. Вариативность наименований мифологических персонажей на территориях Сербии и китайской провинции Шаньдун связывается с локальными народными поверьями. Например, в селе Ябланица (Пчиня) известно название *самовилске сестре*, так как эти персонажи помогают людям, становятся для них «сестрами», «водят их в рай». В деревне Юйвантай китайской провинции Шаньдун лисьего духа зовут *лаосаньгэ* «старшим третьим братом», потому что, по поверьям, им становится смертный человек, который занимает в семье третье место по возрасту, что отражает китайские представления об иерархии в семейном роду.

4. Развитие народной мифологии Сербии и Китая, формирование конкретных особенностей двух этнических культур, мифологических представлений, образов и мотивов объясняется различием религиозных верований. В обеих мифологических системах наиболее очевидно проявляется синкретизм официальной религии и народных поверий. Это проявляется как на лингвистическом уровне (терминология, фразеология, проклятья и т.д.),

так и в экстралингвистическом обрядовом и ритуально-магическом содержании (предмет, сюжет, действия).

5. Этнолингвистический метод при сопоставлении мифологических персонажей позволил рассмотреть общие и различные черты двух терминосистем народной культуры, сербской и китайской. В целом, по сербским и восточнокитайским представлениям, наименования мифологических персонажей указывают на их внешность, место обитания, функция, характерные действия. Все рассматриваемые термины тематически классифицированы, поэтому набор принципов номинации мифологических персонажей специфически ограничен и отражает повторяющиеся устойчивые мотивационные основы, свойственные той или иной тематической группе. Типологически общие черты в системе наименований мифологических персонажей обоих народов касаются замены табуированной лексики, использования терминов родства, состава имени собственного имени.

6. Типологическое сходство сербской и китайской демонологических систем свидетельствует о сходных путях развития народных культур. Общие представления, которые встречаются в Сербии и Китае (провинция Шаньдун), содержат присущий человеку способ мышления, мифологическую память народов при восприятии окружающего мира. Например, образ домового змеи в обеих традициях практически идентичен. Как сербы, так и китайцы верят, что под видом змеи к домочадцам приходит их умерший предок, поэтому ей не причиняют вреда и оставляют еду. Драконоподобные чудовища в Сербии и Китае наделяются функциями атмосферных демонов, повелителей дождевых облаков. У обоих генетически отдаленных народов «нечистыми» считались покойники, умершие неестественной смертью, человек якобы становился вампиром при нарушении ритуала захоронения.

Основные результаты исследования изложены в следующих публикациях:

I. Статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова:

1. Лю Ху. *Бабушка* как мифологический персонаж в провинции Шаньдун // Мир науки, культуры, образования. 2020, № 6. С. 450–452. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,335.

2. Лю Ху. Змееподобные мифологические персонажи провинции Шаньдун (Китай) в сопоставлении с сербскими // Славянский альманах. Вып. 1–2. 2021. С. 329–345. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,155.

3. Лю Ху. Образы непогоды в народной мифологии Азии и Европы (на материале китайской и сербской традиций) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2021. Т. 13. Вып. 4. С. 52–62. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,291.

4. Лю Ху, Чжэн Янтун. Представления о судьбе в народной мифологии Сербии и Китая // Славянский альманах. Вып. 1–2. 2022. С. 183–202. Объем авторского вклада: 50%. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,155.

II. Публикации в других научных изданиях:

1. Лю Ху. Мифологические персонажи провинции Шаньдун // Живая старина. 2021, № 1. С. 12–15. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,108.
2. Лю Ху. Мифологические персонажи водного пространства в народных традициях Сербии и Китая // Славяноведение 2023. № 1. С. 85–95. Импакт-фактор журнала в РИНЦ: 0,141.
3. Лю Ху. Традиционная народная культура провинции Шаньдун // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 3–14 октября 2020 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2020. С. 185–187.
4. Лю Ху. Образ вампира в народной мифологии (на материале китайской и сербской традиций) // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2021. С. 255–258.
5. Лю Ху. Образ сербской ведьмы: есть ли аналоги в китайской провинции Шаньдун? // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 25–26 мая 2021 г. / отв. ред. Е. С. Узенёва, О. В. Хаванова. М.: Институт славяноведения РАН, 2022. С. 111–116.